

Константин Бондарь
(Тель-Авив, Израиль)

Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Центр исследования диаспоры им. Гольдштейна-Горена, Тель-Авивский университет
Рамат Авив, а/я 39040, Тель-Авив, 69978, Израиль
E-mail: bonko2008@yandex.ru; kobonko2013@gmail.com
ID ORCID: 0000-0002-8751-1641

Грищенко А.И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения

М.: Древлехранилище, 2018. 176 с.

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.5.1

Введя в название своей книги подзаголовок «предварительные итоги», автор предупреждает читателей о заведомой неполноте представленной работы и анонсирует ее продолжение. Скромность, разумеется, делает ему честь, но необходимо сразу отметить, что рецензируемая книга принадлежит к числу новаторских: факт правки восточнославянских рукописей Пятикнижия по еврейским источникам заметил впервые А.Х. Востоков в 1842 г., но до сих пор в науке не было специальной монографии, посвященной этому явлению.

Книга состоит из двенадцати глав (разделов) и содержит обширную библиографию. По определению самого исследователя, в монографии рассматриваются группы русских списков Пятикнижия XV–XVI вв. с глоссами и исправлениями, «которые ранее считались выполненными под влиянием еврейского масоретского текста Библии» (с. 4). Это представление в книге А. Грищенко расширяется за счет отнесения к источникам глосс также и тюркского перевода Пятикнижия последней четверти XV в., а в качестве гипотезы причины появления правленого Пятикнижия выдвигается библейский проект христианско-иудейского сотрудничества в литовском Киеве конца того же столетия. Все эти положения книги московского исследователя обстоятельно аргументированы.

Отдавая должное предшественникам (А. Горскому, А. Михайлову, А. Пичхадзе, А. Алексееву, Б. Успенскому и др.), в первом разделе А. Грищенко рас-

смаатривает историю изучения восточнославянского Пятикнижия и проблему выделения редакции, а второй раздел посвящает археографическому обзору 20 списков, для которых характерны четыре текстообразующих признака: закрепленность в составе именно Пятикнижия, а не Восьмикнижия (другого типа библейских сборников у славян); деление на синагогальные недельные главы; наличие особого оглавления; наличие сотен глосс на полях и эмендаций в тексте. Последующие разделы книги последовательно описывают эти признаки – недельные главы (3 раздел), оглавление (4 раздел) и типы глосс и эмендаций (5 раздел). Обсуждая деление Пятикнижия на недельные разделы, автор затрагивает возможные причины того, почему славянские списки содержат 52 недельные главы, а не 54, как это принято в еврейской традиции. Оглавление, которое впервые у А. Грищенко становится предметом рассмотрения, принадлежало протографу правленого Пятикнижия, следует именно его, а не реальному синагогальному делению на 52 главы, в некоторых списках было утрачено, а в других дефектно. Возможно, более полный взгляд на оглавление Пятикнижия появится в его критическом издании, анонсированном автором на с. 31. Ценной частью четвертого раздела книги является интегральный текст оглавления Правленого славяно-русского Пятикнижия.

Что касается типов глосс и эмендаций (автор считает необходимым пояснить, что *глоссами* он называет «чтения, вынесенные на поля и глоссирующие слова или словосочетания основного текста», а *эмендациями* – «изменения в тексте, не всегда отмеченные маргинальными глоссами»), то их типология у А. Грищенко расширена по сравнению с предшествующей типологией, данной А. Алексеевым в «Текстологии славянской Библии» (1999). Вместе с собственными именами, календарными глоссами, благочестиво-эвфемистическими глоссами подробно рассмотрены глоссы, связанные с кашрутом – «один из характернейших признаков Пятикнижия, представленный не только в перечнях чистых и нечистых животных..., но и в других стихах» (с. 54). Среди глосс этого типа есть и тюркизмы (*саранча, сайгак* и под., всего более 20 форм), которые проникли в славянские языки, возможно, на русских землях Великого княжества Литовского и могли быть обязаны своим происхождением «перешедшим на старокипчакский язык иудеям Золотой Орды» (с. 70), переселившимся на земли ВКЛ. Автор открывает также принцип множественности источников справщиков Пятикнижия – они пользовались не только масоретским и другими еврейскими текстами, но и христианскими переводами Библии, например, чешским.

Отдельный (шестой) раздел автор посвящает источникам глосс Пятикнижия, среди которых, естественно, был и масоретский текст, и его раввинистические толкования (красноречиво отразившиеся, например, в глоссах к Быт 49). Но помимо них автор обращается к тюркскому таргуму, который ранее не привлекался в качестве источника глосс Пятикнижия, да и сам еще недостаточно изучен, как указывает А. Грищенко на с. 86. Восполняя этот

пробел, исследователь подробно останавливается на версиях, рукописях и изданиях тюркского таргума Пятикнижия, включающего золотоордынскую, крымскую, турецкую, тракайскую и галицкую редакции.

В свое время веским аргументом в пользу тюркских источников глосс восточнославянских списков Пятикнижия автору послужил «аргумент астролябии», то есть тюркская форма *стурлаби* в Быт 31 – фрагменте, повествующем о бегстве Иакова и Рахили от Лавана. И здесь подробному разбору этой формы посвящен отдельный параграф, заключающийся выводом: «“стурлаби” в Пятикнижии – эти арабские «астролябии» – стали тем инструментом, который указал путь на действительный источник правки этой редакции Пятикнижия во второй половине XV в. (вероятно, в Киеве) – не масоретский текст сам по себе..., но его перевод на старокипчакский язык, что открывает совершенно новую перспективу в изучении этой важнейшей для славянской библеистики редакции Пятикнижия...» (с. 108).

О трудности выбранной автором темы свидетельствует, в частности, тот факт, что масштаб заимствований из правленного Пятикнижия в последующие редакции славянской Библии, начиная с Острожской 1581 г., пока до конца не выяснен (раздел 8). В ходе исследования неизбежно встает вопрос и о средневековом славянском *таргуме*, который дискутируется по крайней мере начиная с «Текстологии славянской Библии» А. Алексева. Полемизируя с А. Алексевым, сторонником гипотезы о существовании *таргума*, а равно и с Б. Успенским, поддержавшим коллегу, А. Грищенко приводит следующие доводы против (раздел 10): наличие большой лакуны во втором описании скинии (Исх 37:10–39:1–2); несовпадение количества недельных разделов (*паршийот*) с тем, что встречается в синхронной синагогальной традиции; отсутствие разделения текста на стихи, что было почти обязательным для *таргумов* на любых диаспоральных языках. Кроме того, важным возражением автора является указание на полное отсутствие среди глосс таких, которые явно бы противоречили православной экзегезе. Несмотря на это, А. Грищенко обращает внимание читателей на связь правленного Пятикнижия с ересью «жидовствующих», которая до сих пор предполагалась априорно (раздел 11). Однако сопоставление глосс Пятикнижия с переводами на «просту мову» (иначе – староукраинский и старобелорусский языки, служившие официальными языками ВКЛ до конца XVI в.), содержащимися в так называемом Учебнике древнееврейского языка, найденном С. Темчиным, и другими фрагментами переводов Пятикнижия на «просту мову», обнаруженными совсем недавно автором книги, показывают связь всех этих текстов.

В результате проведенной работы А. Грищенко приходит к выводу, что возникновение правленного Пятикнижия «может быть соотнесено с деятельностью переводческого кружка, который во второй половине XV в. при участии еврейского книжника Захарии занимался библейскими переводами, причем для христианской аудитории...» (с. 139). И такой вывод, находя соответствие в гипотезе «иудейско-христианского сотрудничества»

(М. Таубе), включает правленое славяно-русское Пятикнижие в контекст гуманистического библейского проекта на восточнославянских землях. Участниками этого проекта были русские книжники-филологи, интересовавшиеся христианской гебраистикой и воспринимавшие иудейскую традицию как часть *Hebraica veritas*. Но вместо дальнейшего развития этой филологической деятельности в истории русской культуры произошло противоположное – обвинение в ереси и жестокое наказание. Правленое же Пятикнижие автор предлагает называть «Пятикнижием “жидовствующих”», или «Пятикнижием Олельковичей», коль скоро киевские князья второй половины XV в. могли инициировать работу книжников.

Стоит заметить, что широта и сложность темы рецензируемой книги подразумевает глубокую славистическую эрудицию читателя; тем не менее, возможно, стоило бы сопроводить переводом на русский цитаты на других славянских языках, как, например, приводимое на с. 27 мнение В. Желязковой по-болгарски или стих Лев 11:22 из Оломоуцкой Библии по-чешски (с. 113–114).

Остается еще раз повторить, что книга А. Грищенко очень важна для современной иудео-славистики и расширяет ее границы до «иудео-тюрко-славистики», предлагая ранее неизвестные контуры и перспективы межкультурных контактов на средневековых восточнославянских землях. Масштабному содержанию книги отвечает и безупречное полиграфическое оформление, и скрупулезная передача языковых форм, вплоть до деталей графики, и четкость воспроизведения фрагментов рукописных источников. В этом, надо полагать, есть немалая заслуга издательства «Древлехранилище», работавших над книгой литературного редактора и дизайнеров.

Несомненно, выход работы А. Грищенко, уже несколько лет плодотворно работающего над проблемой правленого Пятикнижия и показавшего большой потенциал этой темы, – большой успех автора, с которым его поздравят все заинтересованные читатели.

Konstantin Bondar (Tel Aviv, Israel)

Ph.D. Researcher, Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University Ramat Aviv, P.O. Box 39040, Tel Aviv, 69978, Israel

E-mail: bonko2008@yandex.ru; kobonko2013@gmail.com

ID ORCID: 0000-0002-8751-1641

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.5.1

References

Grishchenko A.I. Pravlenoe slaviano-russkoe Piatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniia. Moskva: Drevlekhranilishche, 2018.